

Автор публикуемой ниже статьи решил обозначить "возможные направления исследований". С его точки зрения, большевизм представлял собой политическое движение, принявшее форму коллективного психического заболевания. Для обоснования подобного предположения автор привлекает данные социальной психологии, психиатрии, социологии, других научных дисциплин. Точка зрения несколько неожиданная, но вполне заслуживает того, чтобы с ней ознакомиться.

БОЛЬШЕВИЗМ: НОРМА ИЛИ ОТКЛОНЕНИЕ?

Ф. Н. Ильясов

По утверждению психиатров и патопсихологов, за последние 100 лет в состоянии коллективного сознания и массовой психики произошли качественные изменения. В частности, снизилась доля гипнобильных людей, почти полностью исчезли такие явления, как летаргический сон и клептомания, резко уменьшились численно и стали протекать в более мягких формах, чем прежде, массовые психозы. Между тем еще в первые послереволюционные годы выдвигалась гипотеза, согласно которой большевизм - это коллективное безумие, правда, достаточно обстоятельно данная гипотеза не разрабатывалась. Попытаемся проанализировать большевистское движение под этим углом зрения - как массовый психоз, симптомы которого во многом схожи с клинической картиной заболевания отдельного человека.

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СТАЛИНА И ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ

Оставим вопрос о вменяемости Иосифа Джугашвили психиатрам. Нам интересен социологический аспект проблемы - может ли психически больной человек руководить государством? Даже абсолютный монарх не в состоянии повелевать, не опираясь на преданную ему элиту, но, если его болезнь вступает в противоречие с интересами этой элиты, она всегда устраняет диктатора. Однако, как известно, попыток сместить Сталина не было. Намерения Ленина относятся к началу карьеры "отца народов" и не типичны, хотя и отражают закономерности большевистского движения, о которых речь пойдет ниже.

Из сказанного следует два предположения: либо Сталин был здоров, либо болезнь на всем протяжении его правления не вступала в противоречие с интересами и мировоззрением преобладающей части большевистской элиты. Следова-

ИЛЪЯСОВ Фархад Назипович - кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права АН Туркменистана.

тельно, с социологической точки зрения не суть важно был Сталин параноиком или нет - в любом случае он отражал потребности большевистского движения, органически олицетворяя почти мифическую, но всегда устрашающую генеральную линию партии.

"Всесоюзная Коммунистическая партия (большеви́ков) прошла долгий и славный путь от первых маленьких марксистских кружков и групп, появившихся в России в 80-х годах прошлого столетия, до великой партии большевиков, руководящей ныне первым в мире социалистическим государством рабочих и крестьян", - торжественно сообщается в "Кратком курсе ВКП(б)" [1]. Но вот парадокс: ни "славный путь", ни генеральная линия практически не подвергались научному анализу. Впрочем, в советском математическом фольклоре существовала весьма примечательная "разработка": "Чтобы построить строго математическую модель, будем считать генеральную линию партии достаточно гладкой кривой. Как известно, в точке перегиба кривизна такой кривой обращается в нуль. Поскольку в реальности каждая точка рассматриваемой генеральной линии - это точка перегиба, то кривизна ее равна нулю. Значит, генлиния партии имеет форму прямой".

Приведенное определение содержит немалую долю истины. Действительно, в большевистском движении интуитивно ощущаются имманентная заданность, даже обреченность и - почти за гранью постижения - логическая последовательность. Что касается вывода, то он удивительным образом совпадает с точкой зрения самих большевиков, согласно которой генеральная линия партии есть прямая, соединяющая 1912 г. (Пражская конференция) с периодически переносимой датой построения коммунизма.

Однако даже поверхностное знакомство с историей большевизма показывает: математики несколько драматизируют процесс, а большевики затушевывают трудности. Достовернее, на наш

взгляд, бытующая в народе не совсем корректная, скорее, анекдотичная, периодизация советской истории, основанная на особенностях внешности большевистских вождей. "Лысые" (Ленин, Хрущев, Горбачев) - "реформаторы", "волосатые" (Сталин, Брежнев) - "консерваторы". Они сменяли друг друга поочередно, придавая генлинии специфический характер, который своеобразно отразился в массовом сознании.

Кстати, данная периодизация концептуально перекликается с периодизацией царского правления. Пожалуй, допустимо говорить о некоей исследовательской традиции: "Как идет род царей с Петра, - за хорошим царствованием идет дурное, а за дурным непременно хорошее: за Петром I Екатерина I - плохое царствование, за Екатериною I Петр II - гораздо лучше; за Петром II Анна - скверное царствование..." - писал СМ. Соловьев [2].

КАК НАЧЕРТИТЬ ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПАРТИИ

Прежде чем перейти к основному предмету нашего анализа, необходимо определиться с понятиями. Под генеральной линией партии мы имеем в виду характер(направленность) коллективного поведения специфической социальной группы - большевиков и ВКП(б); причем эти понятия используются в узком значении - как элита и проводники, реализаторы ее установок. Что касается коллективного поведения, то речь идет о координированных действиях группы, в основе которых лежит единая (общая) детерминация - цели, мотивы и т.д.

Изучение коллективного поведения имеет давнюю традицию. Ф. Шатобриан в своем исследовании революций обратил внимание, что еще в древних Афинах активность партийных движений носила волнообразный характер: "Оне, то составлялись из корысти, то упали до изнеможения, и по временам, казалось, уничтожались на минуту; но вскоре потом с новым бешенством возникали" [3].

О волнообразном характере процессов подражания (иными словами, коллективного поведения) говорил и Г. Тард [4, с. 11, 194]. При этом он утверждал, что "для каждого отдельного вида подражательности статистика дает возможность вывести нечто вроде эмпирического закона, как бы давая графическое выражение сложного действия многих причин" [4, с. 145]. К сожалению, Тард не оставил примеров "графического выражения". Если попытаться реализовать его тезис применительно к генлинии ВКП(б), нетрудно заметить, что она тоже подчиняется волнообразному движению. Реформаторы и консерваторы последовательно сменяют друг друга: Ленин - Ста-

лин - Хрущев - Брежнев - Горбачев. Остальных вождей, чье правление оказалось непродолжительным, можно считать переходными фигурами - это были периоды корректировки генлинии.

Чтобы дать ее графическое изображение, прием в качестве аксиомы: реформаторство - это движение вверх, а консерватизм - вниз. Мы получим кривую с тремя подъемами (Ленин, Хрущев, Горбачев) и двумя спадами (Сталин, Брежнев). Каждый из лидеров олицетворял свою эпоху и основные идеалы большевизма в соответствующие периоды истории. Генлиния имела собственную внутреннюю логику развития и свою детерминацию, согласно которым происходило выдвижение того или иного вождя.

Соотнеся полученную кривую со шкалой летоисчисления, можно измерить продолжительность фаз реформаторства и консерватизма. Конечно, речь идет о приблизительных величинах, но для нашего гипотетического анализа это вполне допустимо. Необходимо лишь отметить, что границы устанавливаются не точно по времени правления того или иного лидера, а по началу и концу той фазы, которую он олицетворял.

Итак, длительность ленинской фазы - 7 лет (1917 - 1924), сталинской - 30 лет (1925 - 1955), хрущевской - 7 лет (1956 - 1963), брежневской - 19 лет (1964 - 1983), горбачевской - 7 лет (1984 - 1991).

Отложим продолжительность выделенных фаз на горизонтальной прямой пропорционально некоторому масштабу времени. Как бы дискуссионны ни были предложенные нами границы, даже если их скорректировать в соответствии с иными точками зрения, основные закономерности все равно сохраняются. Во-первых, фазы реформаторства короче фаз консерватизма; во-вторых, фазы реформаторства приблизительно равны друг другу; в-третьих, фазы консерватизма с течением времени уменьшаются (по нашим расчетам, приблизительно на одну треть).

Отложим по вертикали интенсивность большевистского движения: выше горизонтальной прямой - фаза реформаторства, ниже - фаза консерватизма. Степень отклонения кривой соответствует интенсивности процесса. Однако для построения графика генлинии эту интенсивность необходимо измерить, вернее, соизмерить.

Осуществляя данную процедуру, можно опереться только на плохо операционализируемое понятие, выражаемое словосочетанием "один порядок". Иначе говоря, строя график, мы исходили из того, что интенсивность каждой последующей фазы на один порядок меньше предыдущей. Хотя здесь, видимо, возможны различные варианты, было решено интерпретировать это таким образом: принять (условно), что интенсивность фаз

изменяется в геометрической прогрессии с показателем прогрессии равным 2. В итоге получилось, что интенсивность большевистского реформаторства в хрущевской фазе в 2 раза меньше, чем в ленинской, а в горбачевской в 2 раза меньше, чем в хрущевской. Интенсивность консерватизма (и репрессий в смысле их "количества и качества") в брежневской фазе меньше сталинской тоже в 2 раза.

Для удобства дальнейшего изложения присвоим интенсивности большевистского движения условные цифры. За точку отсчета примем горбачевскую фазу и обозначим интенсивность ее реформаторства цифрой 1. Поскольку в нашем построении горизонтальная линия (время) проходит посередине между вершинами реформаторской и консервативной фаз, интенсивность фаз одного цикла можно считать равными. Поясним, что под циклом понимается совокупность двух идущих друг за другом фаз, начиная с ленинской. Тогда интенсивность ленинско-сталинского цикла будет равна 4, хрущевско-брежневского - 2. Впрочем, независимо от числовых значений, основная тенденция остается неизменной: от прошлого к настоящему интенсивность большевистского движения в обеих фазах ослабевает.

Итак, нами построена кривая, изображенная на рисунке, которая и представляет собой графическую интерпретацию генеральной линии партии. Необходимые замечания. К графику кривой до 1917 г. добавлены две фазы, отражающие соответственно революцию 1905 - 1907 гг. и послереволюционный спад с 1908 по 1916 г. Как окончание горбачевской реформаторской фазы и

переход в новую консервативную фазу интерпретируется 1991 год. Пунктирная линия является результатом экстраполяции. Она построена с учетом того, что события и далее будут развиваться согласно выявленным закономерностям: консервативная фаза сокращается приблизительно на одну треть; интенсивность большевистского движения снижается по циклам в геометрической прогрессии с показателем 2.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ - КРИТЕРИИ ПАТОЛОГИИ

В индивидуальном аспекте патологическое и отклоняющееся поведение изучены весьма обстоятельно. Патологическое поведение связывается с психической болезнью или спецификой развития, отклоняющееся (деликventное) - с нарушением норм права, в основном уголовного. Что касается коллективного поведения, то здесь критерии патологии деликventности и нормы достаточно четко не выделены. Скажем, к понятию "патологическая жестокость толпы" при всей его метафоричности могут быть применены определенные критерии. Однако не вполне ясно, возможна ли, например, классификация войн, в основе которой лежат деликventные формы коллективного поведения. Скорее всего, в данном случае допустимы критерии индивидуального поведения, в частности, такой показатель, как неадекватное (чрезмерное) использование силы (насилие).

Когда речь идет о патологическом состоянии массового (коллективного) сознания, оперируют понятием "массовый психоз". "Иногда даже целые народы, - отмечает Б.Д. Парыгин, - могут быть подвержены массовым психозам, которые могут проявляться в разнообразных вспышках душевных состояний: от массового спортивного азарта или религиозного экстаза до массового политически окрашенного психоза (например, типа национализма или фашизма)" [5, с. 258].

О массовых религиозных психозах пишут А. Вигуру и П. Жукелье: "В начале XVI века демономания эпидемически свирепствовала в Ломбардии. Монахи Saint Dominique предавали сожжению более тысячи больных в год только в одном округе. Инквизиторы утверждали, что сотни подсудимых рассказывали, будто они превращались в кошек и ... в образе животных проникали в дома, где были дети; там обманув бдительных матерей, они сосали кровь младенцев до последнего их издыхания" [6, с. 186].

Большевистское движение нередко сравнивают с религией. Если исходить из широкого социологического понимания последней как системы представлений, настроений и действий (Г.В. Плеханов), которая координирует и регулирует

социальную жизнь (Г. Тард) и основана на вере людей в те или иные догматы (Э. Дюркгейм), то надо признать, что такое сравнение небесспорно.

Религиозный социум отличается тотальной догматизированностью, суженностью общественного сознания, в котором все элементы, связанные с идеологией и мировоззрением, агрессивно заменяются догмами. Именно догматизированность и агрессивность коллективного сознания создают предрасположенность к его психической патологии, реализуемой в определенных обстоятельствах.

Исходя из принятого в психиатрии толкования психоза как психической болезни, при которой возникают глубокие расстройства психической деятельности с нарушением отражения и поведения, можно аналогичным образом патосоциологически трактовать массовые психозы. Понятно, что в данном случае в качестве субъекта отражения и поведения выступает определенная социальная группа (общество).

Хотя к настоящему времени патосоциология не представляет собой сложившейся подотрасли науки, тем не менее имеется ряд интересных разработок, посвященных патологическому коллективному поведению. В них в полной мере исползуется такой аналитический критерий общей патопсихологии, как неадекватность психических и поведенческих реакций. Если посмотреть на историю большевизма под этим углом зрения, то мы увидим многочисленные проявления неадекватности: отказ от общечеловеческих ценностей, суженность коллективного сознания, подавление истины догматическими формулами, жестокие широкомасштабные репрессии и т.д. О неадекватности большевистского поведения можно говорить много, причем примеры будут относиться к любому отрезку истории ВКП(б) в любой сфере - экономике, политике, искусстве и т.д. Собственно, вся история большевизма - история неадекватного коллективного поведения, которое далеко не всегда соответствовало провозглашаемому целям. Сама большевистская элита жила, балансируя между аморальным и преступным, пребывая в постоянном страхе.

Кстати, страх - один из основных компонентов религиозного коллективного сознания. Это внутренне присущий ему стержневой, постоянно действующий импульс, скрепляющий, цементирующий религиозные формы коллективного поведения. Система "продуцирования страха" - атрибут большевизма. Если обратиться к графическому изображению генлинии, то можно заключить: в советском обществе от цикла к циклу страх отойти от генлинии уменьшался, а когда он стал минимален, начался распад движения. В большевистском сознании эмоция страха ассоциировалась с ощущением стабильности и долженствования, а

человек, который не боялся отойти от генлинии, переставал быть большевиком.

Фанатизм иногда интерпретируется как интериоризованный страх, то есть принявший форму какого-либо убеждения или догмата, слившийся с ним, ставший внутренней сущностью убеждения. Он как бы находится "внутри" убеждения и проявляется в форме бесконечной преданности ему. Мировоззрение, основанное на подобных убеждениях, - это мировоззрение страха.

Вспомним Н. Коржавина:

Так бойтесь тех, в ком дух железный,
Кто преградил сомненьям путь, В чьем
сердце страх увидеть бездну Сильней,
чем страх в нее шагнуть.

В конце XIX в. Г. Лебон писал: "В силу своего стремления стать религиозным догматом, ускользая из области разума, социализм представляет для современного общества наиболее грозную опасность из всех, когда-либо ему угрожавших" [7, с. 129]. Лебон видел угрозу в интуитивно угадываемой возможности патологического коллективного поведения, основанного на социалистических догматах, веские основания тому давал опыт анализа религиозного коллективного поведения. По утверждению А. Вигуру и П. Жукелье, "ни одна болезненная эмоция не имеет... более выраженной тенденции быстро распространяться в эпидемической форме, чем безумие религиозного характера" [6, с. 174]. Эти же авторы предложили первую группировку массовых психозов: "Проявления религиозного безумия можно подвести под простую классификацию и делить на формы астенические с преобладанием депрессии и формы стенические с преобладанием экзальтации" [6, с. 175]. Сказанное удивительно совпадает с графиком генлинии партии. Большевистское движение представляет собой череду "экзальтации и депрессий". Таким образом, мы приходим к предположению, что большевизм как форма коллективного поведения представляет собой разновидность массового психоза, охватившего вначале центр Российской империи, затем ее окраины, а впоследствии и страны так называемого социалистического лагеря. Поражение одним и тем же "недугом" объясняет и общность процессов ("клинической картины"), в них протекавших (диктаторы, тоталитарное мышление и многое другое).

ПОПЫТКА ПАТОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

"Революция, - считал Н.А. Бердяев, - есть тяжелая болезнь... она свидетельствует о недостатке положительных творческих сил, о неисполненном

долге" [8, с. 120]. Предположение о массовом психозе подразумевает патосоциологический анализ явления, результатом которого должна стать гипотеза о диагнозе. Наш анализ будет опираться на аналогию с исследованиями, ведущимися в частной психиатрии. Поскольку обоснованность такого подхода может показаться в высшей степени спорной, необходимо небольшое методологическое вступление.

Сама идея подобной аналогии, выдвинутой Г. Спенсером, много (и часто справедливо) критиковалась. И все же, на наш взгляд, для изучения некоторых социальных явлений она может использоваться как отправная, особенно на начальных стадиях, когда проблема мало разработана и ощущается концептуальная недостаточность.

"Общество вообще представляет собой, - писал Г. Тард, - или с каждым днем приближается к тому, чтобы представлять только большой собирательный мозг, в котором отдельные маленькие индивидуальные мозги являются клеточками" [9, с. 146]. С этим можно согласиться: действительно, "психология обществ представляет самую поразительную аналогию с психологией личности" [9, с. 104].

Когда мы к словам "сознание", "мнение", "память", "внимание" прикладываем определения "общественное", "массовое", "коллективное", - то речь идет не просто о метафорах по отношению к индивидуальной психике, а о реальном сходстве в функционировании персональной и общественной психологии.

Обратимся к курсу частной психиатрии [10-15] и сопоставим описание клинических проявлений индивидуального психоза с тем массовым психозом, который схематически был предложен выше.

В группе эффективных психозов прежде всего привлекает внимание так называемый маниакально-депрессивный психоз циркулярного типа (континуальное течение). Его характерный признак - смена психических состояний, когда фаза болезненного подъема и воодушевления (доходящие до витальной эйфории) сменяется фазой заторможенности и патологического упадка настроения вплоть до витальной тоски. Фаза подъема называется в психиатрии маниакальной, фаза спада - депрессивной.

Начнем сопоставление с "внешних", "статистико-графических" проявлений. Если построить график болезни, он будет иметь (разумеется, в "идеальном", среднестатистическом случае) такой же вид, что и график генлинии партии. Во-первых, маниакальная фаза короче депрессивной в 2 - 3 раза. Во-первых, болезни предшествует: а) "гипоманиакальный аффект" - непродолжительное возбуждение на грани патологии (на нашем рисунке этому соответствует фаза революции

1905 - 1907 гг.), б) так называемая вступительная депрессия (этому соответствует период послереволюционного спада между 1907 и 1917 гг. - "стольпинская реакция"). В-третьих, в проявлении маниакальной фазы выделяют следующие степени интенсивности: маниакальное неистовство, маниакальное состояние и гипоманиакальное состояние (когда маниакальность понижена). На графическом изображении генлинии это ленинская фаза ("революция"), хрущевская ("коренная ломка") и горбачевская ("перестройка")¹ Наконец, в-четвертых, маниакальный аффект развивается быстрее, чем депрессивный, что также соответствует истории большевистского движения.

Для индивидуальной психики характерно то, что "в норме процессы возбуждения и торможения не только сменяют, но и индуцируют, стимулируют друг друга" [14, с. 103]. В общественном настроении периоды спада и подъема тоже органично чередуются. Отличительная особенность психоза заключается в том, что эти периоды выходят за рамки нормы, становятся патологическими, превращаясь в маниакальные и депрессивные состояния. И хотя они могут казаться противоречащими друг другу, тем не менее из них складывается общая линия поведения. "Следует принять во внимание, - указывал В.А. Гиляровский, - что эмоциональным проявлениям вообще свойственна периодичность. Маниакальное состояние и депрессивное, несомненно, связаны между собой и представляют единство" [10, с. 393].

В данном смысле правомерно утверждать, что генлиния партии" психологически и социально вполне находит свое логическое обоснование, а вся ее кажущаяся абсурдность укладывается в закономерности патологического процесса.

КАК ЧУВСТВО СОБСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ПРИОБРЕТАЕТ ЭЙФОРИЧЕСКУЮ ОКРАСКУ

Перейдем к "содержательному" сопоставлению индивидуального и массового маниакально-депрессивного психозов. Начнем с маниакальной фазы. Как отмечают психиатры, здесь наблюдаются следующие симптомы: повышенное настроение; ускоренное течение представлений; возбуждение в двигательной сфере. Больных обуревают жажда деятельности, они строят бесчисленные планы, которые тут же пытаются осуществить, но не способны довести дело до конца. Внимание постоянно переключается с одного объекта на

¹Примечательная деталь: по наблюдениям психиатров, при интенсивности возбуждения, характеризуемому как "маниакальное состояние" (для генлинии это хрущевская фаза), большие "дарят вещи и деньги незнакомым людям". Невольно вспоминается Крым, подаренный Украине, и другие, столь же "экстравагантные" эксцессы.

другой (симптом Вернике). Нередки различные проявления агрессивности.

В полном соответствии с описанным происходили события в маниакальных фазах большевизма. В ленинской фазе - на повестке дня мировая революция и почти моментальное начало построения коммунизма. Потом дело не заладилось, пришлось вводить деньги и красный террор. В хрущевской фазе все было спокойнее: "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!" - "За работу, товарищи!" В горбачевской фазе выяснилось, что социализм еще не "построен". От большевистской идеологии осталась, в качестве последнего заклинания, фраза о "социалистическом выборе". Перестройка оказалась (в своих первых прокламациях) почти столь же неопределенной, как и коммунизм, и почти в такой же мере нереализованной.

Внимание общества во всех маниакальных фазах большевизма постоянно переключается с одного объекта на другой, с одной идеи на другую. Горбачевская фаза свежее в памяти - какой калейдоскоп нереализованных замыслов, обещаний, "программ"!

У больных маниакально-депрессивным психозом чувство собственной ценности приобретает эйфорическую окраску, они преувеличивают свои "таланты" и достижения, в больнице "вмешиваются в дела отделения, дают советы врачам и персоналу" [14, с. 27]. Перечисленные качества типичны и для большевистской элиты, а в определенной мере и для советского общества в целом.

Психиатры отмечают, что у больных возникают бредоподобные идеи ничем не сдерживаемого хвастовства и бахвальства, бред величия, реформаторства; они приписывают себе выдающиеся достижения, открытия. Как тут не вспомнить, что "ВКП(б) - ум, честь и совесть нашей эпохи", "марксизм-ленинизм - единственно верное и всепобеждающее учение", "советский строй - самый лучший в мире" и т.д. и т.п.

У больных происходит сужение сознания, но интеллект сохранен. Отсутствует критика своего состояния и поведения. Большевики за критику, как известно, преследовали, и нередко жестоко.

Как видим, клинические картины индивидуальной и массовой маниакальной фазы вполне сопоставимы.

Физиологически маниакальная фаза объясняется тем, что возбуждение начинается с коры, как бы постепенно спускаясь сверху вниз и охватывая весь мозг. «Далее возникает хаотическая деятельность больших полушарий... и, наконец, развивается то, что И.П. Павлов называл "буйством подокорки", когда человек проявляет низшие инстинкты. После крайнего напряжения больших полушарий наступает такое снижение функций,

что самая ничтожная мысль представляет болезненный невыносимый труд» [14, с. 102]. Вероятно, и в случаях массового психоза идут аналогичные процессы. От большевистской элиты возбуждение передается функционерам и, спускаясь по ступеням иерархии, захватывает все общество, развивая "буйное творчество народных масс".

Во время сравнительно короткой, но патологически активной реформаторско-маниакальной фазы энергия общества "прогорает", быстро истощается, наступает торможение - депрессивная фаза, в процессе которой долго и тяжело восстанавливаются энергетические возможности системы.

В психиатрии выделяют следующие предвестники депрессивной фазы: 1) возрастающие затруднения в разрешении повседневных задач; 2) связанная с этим прогрессирующая потеря инициативы в их решении. Сталину затруднения в строительстве светлого общества показались столь необъяснимыми, что у него возникла бредовая идея об усилении сопротивления внутренних врагов по мере приближения к коммунизму. Инициативные и обдуманые действия отвергались, срабатывали механизмы патосоциологического торможения - репрессии.

"Жить стало лучше, жить стало веселее", - приговаривал Сталин.

"Шея стала тоньше, но зато длиннее", - доводил до логического конца трагедию абсурда народ.

В брежневской фазе все шло по той же схеме. Сначала Леонид Ильич объявил, что в его время социализм строить труднее, чем когда-то делать революцию, а потом несогласных стал рассовывать по психушкам.

Помимо заторможенности в мыслительной и двигательной сферах в депрессивной фазе возникает "психическая анестезия" - болезненная душевная нечувствительность к близким людям. Репрессировали друзей и родственникам (особенно в сталинской фазе), но в обществе царила депрессия, чувства были подавлены. Как сказала одна больная о своей дочери: "Глаза мои видят, что это мое дитя, а сердце ничего не чувствует" [10, с. 388].

Жизнь для больных утрачивает ценность, наступает "ценностная слепота". То же самое происходит и в больном обществе. В депрессивной фазе страдает осмысление, сужается кругозор. Это также типично для сталинского и брежневского периодов. У больных людей возникает "первичное чувство вины", развивается самоуничижение. Схожие явления наблюдались и в обществе: боязнь провиниться перед партией, ощущение, что человек "ничто" в сравнении с ней, забота о "чистоте перед партией" и т.д. Больных преследуют навязчивые мысли, чувство тревоги,

бред самообвинения, осуждения, отрицания. Сознавание болезни при этом отсутствует. Сказанное также во многом перекликается с состоянием советского общества в депрессивной фазе.

Интересная деталь: психиатры обнаружили корреляцию между выраженностью отдельных бредовых идей и социальными характеристиками человека. Так, чувство вины и греховности у больных протестантов выражено сильнее, чем у католиков [13, с. 70]. Приведенный факт свидетельствует, что существует связь между коллективным поведением и особенностями психики (в том числе и патологическими) лица, включенного в данное коллективное поведение.

Возвращаясь к проблеме психической полноценности Сталина, отметим определенное сходство между его психическими особенностями (замедленность движений и речи, чувство тревоги, бредовые идеи преследования, обвинения, осуждения и др.) и состоянием коллективного большевистского сознания в депрессивной фазе. Человек, который олицетворял коллективное поведение, имевшее форму массового безумия, должен был обладать соответствующими патопсихологическими характеристиками, и Сталин обладал ими. Можно допустить, что как отдельный индивид он был психически дееспособен, но как большевистский лидер являлся центральной частью тяжело-больного коллективного сознания ("центральная клеточка мозга"), находящегося в состоянии депрессии.

"ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!"

Приведенный лозунг постепенно и незаметно сошел на нет. Последний, оставшийся в памяти народной лозунг большевиков "Экономика должна быть экономной!" не столь задорен. Олигофренический по своему пафосу и содержанию, он был болезненным выкидышем столпов большевистского сознания того времени.

Даже смена лозунгов подтверждает общую тенденцию большевистского движения - оно шло на убыль. Этот вывод сейчас кажется очевидным, более актуальными представляются генезис и прогноз. Врачи выделяют такие понятия, как "тяжелый прогноз" (надежд на выздоровление мало) и "благоприятный". Человек, страдающий маниакально-депрессивным психозом, нередко выздоравливает, причем без особых психических осложнений. В случаях же массовых психозов выздоровление, надо думать, наступает всегда. Однако здесь интересна динамика процесса и то, что медики называют "этиология и патогенез".

Психозы обычно возникают у субъектов, имеющих к тому предрасположенность, в ситуации сильной психической травмы, длительного стресса или тяжелой болезни. Можно предположить, что в России в результате специфической социальной эволюции и нравственных метаморфоз сформировалась предрасположенность к возникновению массового психоза. В данном контексте татаро-монгольское иго допустимо классифицировать как родовую травму российской государственности, а Первую мировую войну - как фактор, сильно травмировавший массовую психику.

Еще в конце прошлого века (то есть задолго до Ленина) победу социализма в одной, отдельно взятой стране предсказал Г. Лебон. "Этот ужасный социалистический режим, - писал он, - кажется неизбежным. Нужно, чтобы, по крайней мере, один народ подпал ему для того, чтобы дать урок вселенной" [7, с. 143].

Лебон верно спрогнозировал и развитие первых двух фаз социализма. Маниакальная - "революционная смута", "расстрелы эксплуататоров". Затем депрессивная фаза - приход к власти генерала-диктатора (здесь он несколько ошибся - у нас был генералиссимус), который "введет железный режим", а народ будет его славить, несмотря на "бесчисленные гекатомбы" (жестокое уничтожение множества людей).

В результате победы социализма, предполагал Лебон, "способности и умные будут замещены посредственностью. Повсюду будет равенство в рабстве" [7, с. 141]. Удивительно, но, помимо прочего, он предвидел и "частные" последствия социалистической революции - гибель от голода нескольких миллионов человек, а также введение принудительных займов [7, с. 137, 138].

Что касается механизмов развития, то, овладев вначале небольшой группой большевиков через такие способы интеграции групповой деятельности, как психическое заражение, внушение, убеждение, подражание, психоз, приняв эпидемиологический характер, охватил народные массы, которые и привели большевиков к власти. "Толпа, скорее, жертва, чем палач", - замечает Лебон.

Сам процесс распространения массового психоза может быть описан термином "социально-психологическое заражение", механизм которого еще остается неисследованным. "Заражение характеризует, - пишет Б.Д. Парыгин, - во многом бессознательную, невольную подверженность индивида определенным психическим состояниям. Оно осуществляется не через пассивное созерцание и более или менее осознанное принятие внешне очевидных образцов поведения (как при подражании), а через передачу психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом, через накал чувств и страстей"

[5, с. 258]. А. Вигуру и П. Жукелье установили, что "действие психической заразы непроизвольно, субъект поддается ее влиянию вопреки своему желанию" [6, с. 65]. К этому следует добавить, что феномен большевистского заражения стимулировался насилием и порождаемым им страхом. Н.А. Бердяев сам был социалистом, и поэтому его мнение особенно ценно. "У меня было впечатление, - писал он о социалистах, - что все эти люди, представлявшие разные революционные и оппозиционные течения, чувствовали себя во власти стихийных, фатальных сил, которыми они не могут управлять и направлять согласно своему сознанию" [8, с. 211].

Тот факт, что лидер олицетворяет генлинию партии, иллюстрирует и горбачевская фаза, где четко просматриваются стремительный маниакально-реформаторский подъем, явный пик и очевидный спад движения, достигший нулевой (критической) точки в 1991 г. Поведение Горбачева вызывало немало кривотолков. Казалось, он склонялся то в одну, то в другую сторону, одобрял одну "программу", потом брал за основу другую, а впоследствии отказывался и от нее. Между тем Горбачев своими действиями всего лишь очерчивал генлинию партии. Его поведение обуславливали не бессистемность и растерянность как таковые, а неосознанное подчинение описанной нами закономерности. Его "маршрут" был детерминирован кривой массового психоза. Как генсек он инстинктивно-неумолимо двигался по генлинии до конца своей карьеры - и именно такой человек должен был быть выдвинут на пост вождя в этой фазе. Горбачева нередко называли центристом. На самом деле он просто стоял на том месте, где проходила генлиния ВКП(б), и менял свое положение вслед за ней, как и все большевистские вожди. В нем не оказалось резервов небольшевистского, гражданского лидера, способного эффективно функционировать вне рамок коллектива, охваченного массовым психозом.

В заключение рассмотрим клиническое значение нулевой точки, изображенной на нашем рисунке. Во всех процессах момент перехода системы из одного состояния (фазы) в другое является критическим - нередко он и его последствия сложно предсказуемы. В принципе возможны две интерпретации. Согласно первой, в 1991 г. был "обычный" системный переход из одной фазы в другую, и, следовательно, фрустрация ("чувство крушения"), охватившая коллективное большевистское сознание, - это не что иное, как начальный этап депрессивной фазы.

По второму варианту, фазовый переход 1991 г. имел терапевтическую ценность. В таком случае последовавшую коллективную фрустрацию можно интерпретировать как начальную стадию

выздоровления. Заметим, что при индивидуальных маниакально-депрессивных психозах выздоровление наступает по завершении той или иной фазы.

На наш взгляд, фазовый переход имел двойственное значение. Большевистское движение раскололось на две части. Одна из них осталась в состоянии массового психоза, вступила в депрессивную фазу, которая продлится (если сохранится прежняя тенденция) около 12 лет, то есть до 2003 г. Можно ожидать, что интенсивность ее будет на грани "патология-норма". Психоз уже, вероятно, не станет носить столь массового характера. Другая часть большевиков "выздоровела" - они вышли из коллективного движения, охваченного массовым психозом, и сейчас пытаются обрести новые консолидирующие идеи и нравственно-социальные координаты. Разумеется, немало людей находятся в "пограничном состоянии".

Таким образом, на вопрос "Большевизм - это политическое движение или диагноз?" - можно предположительно ответить, что большевизм представляет собой политическое движение, принявшее форму коллективного психического заболевания. Последний вывод весьма условен. Изложенное выше даже не гипотеза, а, скорее, форма обсуждения вопроса в поисках возможного направления исследований.

В последнее время часто говорят, что марксизм (социализм, "левая идея") дискредитировал себя окончательно и скоро совсем перестанет существовать. На мой взгляд, подобные утверждения в корне неверны. Они, скорее, иллюстрируют предвидение Лебона о развале социалистического государства: "Тогда врагами социализма будут те самые толпы народа, которые он сумел прельстить" [9, с. 107].

В марксизме, как в некоторой этической парадигме с ее утопически-гуманистическим пафосом, всегда будет потребность у определенного типа людей. Он отражает, может быть, инфантильные, но фундаментальные запросы человека и столь же необходим человечеству, как, например, мировые религии. Учение Маркса весильно не потому, что оно верно, а потому, что оно вечно.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Горький: ОГИЗ, 1938. С. 3.
2. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Пг.: Изд-во Прометей, 1917. С. 153.
3. Штатбриан Ф. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах, или взаимное сличение государств древняго и новаго мира. В 2-х т. СПб.: Особенная Канцелярия Министерства Полиции, 1817. С. 40, 41.
4. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.

5. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
6. *Вигуру А., Жукелье П.* Психическая зараза. М.: Современный проблемы, 1912.
7. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1899.
8. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990.
9. *Тард Г.* Социальные законы. СПб., 1906.
10. *Гиляровский В.А.* Психиатрия. М.: Медгиз, 1954.
11. *Поршинов А.А., Федотов Д.Д.* Психиатрия. М.: Медицина, 1971.
12. *Жаренков Н.М., Урсова Л.Г., Хритин Д.Ф.* Психиатрия. М.: Медицина, 1989.
13. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1967.
14. *Лукомский И.И.* Маниакально-депрессивный психоз. 2-е изд. М.: Медицина, 1968.
15. Маниакально-депрессивный психоз // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т. 13. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 405 - 410.